

годы смертельной опасности для греческой народности, но универсализм римских традиций смягчал эти тенденции.

Критический дух и творческая оригинальная мысль развивались на Западе в различных сферах духовной жизни. Юристы Запада, принимавшие Юстинианов кодекс, — легисты — спорили с феудистами, номиналисты — с реалистами, сторонники папской власти — со сторонниками императорской власти. В Византии же философы по-прежнему занимались спором Аристотеля с Платоном, не делая каких-либо выводов. Трудно было изменить внутреннюю политику и в последний век существования Византии, традиционализм не допускал крупных поворотов. Это особенно проявилось, когда Апокавк, патриарх Иоанн Калека и Анна Савойская пытались найти союзников среди городского населения.

Противники реформ Апокавк стали опираться на исихазм, чтобы сохранить в неприкосновенности существующий строй. По В. И. Ленину, неподвижность народных масс позволяет удержаться отсталой политической власти⁹. Исихазм своей мистикой добивался именно полной пассивности масс. От нее в момент грозной опасности выиграли только турки. Их наступление имело целью в первую очередь разгромить славянские государства на Балканах, чтобы тем самым отгородить Византию от Запада и потом добыть ее. Этот стратегический план турок фактически поддерживали исихасты. Всякая связь с Западом предавалась анафеме со стороны фанатически настроенных масс, в первую очередь монашества. И Византия погибала, в то время как исихасты старались узреть «Фаворский свет» путем «умственной молитвы».

Достаточно вспомнить, какую бескомпромиссную позицию занял Кантакузин, когда турки уже укрепились на Балканском полуострове. Лучше погибнуть, чем поступиться чистотой учения, — таково кредо Кантакузина — свергнутого императора, озлобленного монаха, того самого, который говорил: «Если не мне, то пусть никому!» (Gregoras, III, p. 181).

Совсем иные идеи проповедовал Плифон. Пламенный поклонник античной Греции, эллинизма, он стремился порвать с христианством и возродить подлинного Платона, т. е. вернуться к язычеству, облеченному в форму платонического учения. Но эта борьба за чистоту эллинизма была пустой затеей: путь к прогрессивному мышлению лежал через реформацию церкви. Плифон же практически стоял на позиции той же борьбы за чистоту доктрины, только не христианской, а платоновской.

Подлинное спасение Византии заключалось в ликвидации экономической и культурной отсталости. И Виссарион Никейский совершенно правильно считал, что для этого необходим союз с Западом. Виссарион предлагал приглашать из европейских стран мастеров, чтобы изучить передовые технические приемы. Виссарион по существу призывал отказаться от борьбы за чистоту православия, а также и от бесплодных попыток возродить учение Платона.

В ранний период своей истории Византия добилась расцвета, потому что преодолела главный экономический пережиток — рабство — и сохранила основные достижения античного общества, т. е. то, что необходимо было для перехода к новой формации. Но новое трансформировалось затем в отвлеченную, оторванную от экономического базиса доктрину, борьба за чистоту которой фактически привела к застою мысли. В то же время постоянно действовавшие отрицательные внешнеполитические факторы во многом обусловили гибель Византии.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 363.